

Жан Жироду Ошибка

Эмиль Дюран был бы счастливейшим из людей, кабы не врожденная неудачливость, которая ежедневно втягивала его во множество мелких неприятностей, тогда как всем нам и одного такого злключения вполне хватит на целую неделю. Стоило ему забраться в фиакр, как лошадь сломя голову бросалась вскачь. Стоило ему сесть в автомобиль, как мотор ни с того ни с сего замолкал и глох. Воротнички у него были слишком узкими, а горловина рубашек – слишком широкой. Опускаться его каминная дверца еще иногда соглашалась, но подниматься упорно отказывалась, прямо как занавес провинциального театра. Потому-то Эмиль Дюран и сделался педантичным чуть ли не до одержимости: по жизни он шагал с неуверенностью и осторожностью ребенка, впервые надевшего новенький костюм.

Например, сегодня, наклеив марки на два только что дописанных письма, он посмотрел, запечатаны ли конверты и не слишком ли они просвечивают, и бросил их в почтовый ящик лишь после того, как проверил, правильно ли надписаны адреса. Он даже сунул руку в узкую щель, чтобы убедиться, что письма упали на дно ящика, но только больно поранил пальцы о проволочную решетку. Потом, не забыв подсчитать, с какой вероятностью его письма могут затеряться среди журналов и брошюр, случайно отправиться в провинцию или сгореть, если в почтовом автомобиле вдруг воспламенится мотор, он отправился обратно в Люксембургский сад.

Февральский день клонился к вечеру, и в небе плыли огромные тучи. Над куполом Сената на легком северном ветру хлопал флаг, который когда-то был французским, но теперь лишился красной полосы и превратился в португальский. Навстречу ветру смело шагали студентки – носы у них покраснели, а губы побелели. Эмиль провожал их томным взглядом. Дело было вовсе не в том, что ему хотелось завести интрижку. Напротив, у него уже были и любовница, которой он очень дорожил, и невеста, которой он был весьма расположен дорожить, – это им он только что отправил письма. Близившаяся к концу зима заставляла его грезить о будущем домашнем очаге, а наступавшая весна оживляла воспоминания о любовных прогулках. Он беззаботно наслаждался очарованием грядущих перемен в природе и в собственной жизни.

Вдруг в его уме родилось страшное подозрение. Он попытался было отвлечься, наблюдая за бешеными прыжками игроков в крокет, но каждый удар молотка только глубже вколачивал в его мозг мысль, которую он

силился прогнать. Он прошелся туда-сюда, потом еще и еще. Увы! Неотвратимое подозрение все крепло – так вода из переполненных подвалов затопляет улицу. У него уже не оставалось никаких сомнений: он перепутал конверты! Луиза, его невеста, получит следующее письмо: «Встретимся за ужином завтра вечером, обожаемая Жанна! Воздух полон неизъяснимой теплоты, упоительной нежности, которая с самого утра влечет мои мысли к тебе и только к тебе». А как потрясена будет Жанна, его подруга, когда прочтет: «Встретимся за завтраком следующим утром, моя славная невеста, милая Луиза. Какая невероятная свежесть, какая нежность разлита в небе!» Все пропало! Остается только поспешить, чтобы успеть до того, как придут письма, явиться с повинной и заранее получить прощение. Женщины любят, когда к ним приходят с повинной. Чтобы доставить им удовольствие, некоторые даже выдумывают себе несуществующие промахи. Эмиль бросился к первому подошедшему автобусу. Это оказался не тот маршрут, но, сделав две пересадки, он наконец добрался до дома своей невесты.